

И стали они жить-поживать

Ой, ноблесс, ноблесс...

Светлана Багдерина

2

Царевна Серафима, для друзей — Сенька, оказывается в плену у царя Костя, могучего колдуна с манией величия и соответствующими амбициями. Заключение в башню под охраной умрунов, зверолодей и Змея-Горыныча, она стоит перед выбором: согласиться выйти замуж за Костя... или не согласиться, но стать его женой всё равно. Получится ли у Сеньки протанцевать по лезвию меча и заставить Костя пожалеть о своем бессмертии? Ведь на кону внезапно оказалась судьба не только ее, но и всего Лукоморья. И то, что Змей похитил ее вместо другой, задачи не облегчает.

Светлана Багдерина

Ой, ноблесс, ноблесс...

Красная девица
сидит в темнице,
Сама не ест, и
другим не дает.

Лукоморская загадка

— ...Пусти, окаянный!!! Пусти, кому
говорят!!!..

Серафима извернулась и пнула пяткой в
чешуйчатый твердый живот Змея-Горыныча.

В любой рукопашной это срабатывало с
неизбежностью падающего кирпича. Сейчас же это
привело лишь к тому, что с нее свалилась и
торопливо направилась к земле-матушке голубая
атласная туфелька — подарок царицы Елены. Хоть
царевне они никогда особо и не нравились — она
предпочитала сапоги, желательно со шпорами — но
терять по вине этой мерзкой змеюки, пусть даже и с
крыльями, единственную доступную ей сейчас
обувь не хотелось нисколько.

И она забарабанила по сжимавшим ее

осторожно, но крепко, как прутья клетки, когтистым лапам с удвоенной энергией, хоть и с целью, отличной от прежней:

— Пусти, дурак! У меня туфля упала! Да остановись же ты!!! Чучело огородное!!!.. У меня нога мерзнет!!!

С таким же успехом она могла попытаться раздолбить кулаками колонну, поддерживающую своды Тронного зала лукоморского дворца — холодная жесткая чешуя, покрывающая мускулистое тело чудовища, была столь же податлива, как ее малахит.

Убедившись лишней раз на собственном опыте в бесплодности попыток вступить в переговоры, запугать, разжалобить или обмануть Змея, Серафима устроилась поудобнее в клетке когтей, насколько ей позволяло ее положение. Она поджала под себя, замотав в складках платья, босую ногу — не май месяц на улице, хоть и солнышко светит, спрятала лицо в соболью опушку опашня от бьющего упругими волнами встречного ветра, схватилась одной рукой за венец, чтоб не сдуло, и углубилась в созерцание быстро меняющегося пейзажа внизу и своей нелепой, так же быстро изменившейся судьбы.

От таких поворотов она за месяц супружеской жизни с разлюбезным царевичем Иваном — младшим сыном старого царя Симеона — успела

слегка отвыкнуть. Но не слишком. И поэтому то время, которое иная царевна на ее месте потратила бы на слезы и причитания, Серафима решила употребить на выработку стратегии.

В конце концов, разве не о приключениях она мечтала весь этот месяц замужества, не на путешествия ли подбивала своего супруга, чтобы наконец покинуть опостылевшую рутину, благолепие и спокойствие царских палат и снова, очертя голову, врубиться в бестолковую, но радостную карусель событий, открытий и новых мест, которая для нее и была единственно возможной настоящей жизнью?

Сбылась мечта идиота...

Значит, так. Будем думать. Зачем я ему нужна?

Чтобы съесть? Так уж сколько летим — мог бы уже сожрать раз пятнадцать. И к тому же, насколько ей было известно, ни в Лукоморье, ни в Лесогорье, ни в сопредельных царствах и княжествах, выведенные однажды и навсегда героями далекого прошлого, Горынычи не водились. И даже не залетали. То есть этот приперся откуда-то издалека. Очень. Если, конечно, предположить, что на всем этом пути повымерли дикие и домашние животные и даже люди, то версия со съедением вполне проходная. Но ведь они живы-здоровы! Вон, внизу какая-то то ли

маленькая деревня, то ли большая пасека, и коровы пасутся. А по реке корабль только что проплывал. Пассажирский. Так что с разнообразным меню здесь порядок.

Значит, есть не будет. По крайней мере, не сразу.

Что еще? Для коллекции?

Где-то и когда-то было написано, что Змеи-Горынычи похищают красивых девушек просто так, из любви к прекрасному, и держат их в своих... этих... ну, где они там живут. Но это тоже не про меня. Я, конечно, про себя могу сказать много хорошего, но до слова «красивая» дойду не скоро. Да и, честно говоря, не очень-то я в эти рассказы и верила. Это ж надо везде летать, выбирать самых посимпатичнее, отлавливать их, потом следить, чтобы не разбежались, кормить их — поить и все такое... Это ж сколько мороки! Богатыри заметят — придут и уконтрапунтят, глазом моргнуть не успеет. Пусть не сразу. Зато неизбежно. Хотя, с другой стороны, кто их знает, этих Горынычей, чего им надо...

Значит, такой вариант исключать не будем. Еще что? Что еще?...

Царевна подумала о том, что если бы на ее месте был Иванушка — если бы, конечно, нашелся настолько дегенеративный Змей, который стал бы воровать богатырей — то уж он-то, без сомнения,

напридумывал бы версий — одна невероятнее другой, успевай записывать. Ей же в голову ничего вразумительного почему-то больше не приходило. И она перешла к обдумыванию тактики.

Пока окончательно не замерзла.

Змей покружил над серой, почти безлесной горой с гладкой и плоской, как стол, вершиной, завис над ней, поднимая крыльями тучи мелкой пыли, выронил царевну и тут же приземлился рядом.

Вообще-то на этот случай Серафима планировала быстро проскользнуть у него с тыла и юркнуть в лес, кусты, расселину или пещеру — в зависимости от местности, но за несколько часов полета произошло то, что она также предвидела и чего боялась больше всего.

И теперь закованная, выбивающая зубами чечетку царевна под неприязненным взглядом трех пар глаз делала не слишком успешные попытки хотя бы просто встать на ноги и распрямиться.

— Ну и что? — уперев руки в боки и грозно насупившись, обратилась она к Змею сразу, как только преуспела. — Чего тебе от меня надо?

«Ешкин кот, и какой же ты громаднущий...» — тоскливо добавила она про себя, в первый раз получив возможность толком рассмотреть своего похитителя. — «С крестьянскую избу ведь, не

меньше... Причем с пятистенную... двухэтажную... С терраской... И шею обхватом с корову... Если не с полторы... Такие не рубить — пилить надо... И не один час... Как же я тебя, родимого, ухайдакаю-то, а?...»

Бесстрастные желтые глаза с черными вертикальными щелями зрачков, не дрогнув, встретили ее взгляд. Шея средней головы вдруг изогнулась так, что гребнистая землисто-зеленая башка оказалась вровень с лицом Серафимы и всего в полуметре от нее.

«...А зубы... Ё-мудее... Ну вот зачем вот им такие зубы...»

Змеиные глаза угрожающе вперились в отчаянно-шаловные очи царевны.

— Слушай меня внимательно и запоминай, — медленно, с расстановкой заговорила голова, и Серафима непроизвольно содрогнулась от оглушительного злобного рыка. Каждое слово, вырывающееся из глотки Змея, было как удар его когтистой лапы — тяжелое, беспощадное и смертоносное.

— С сегодняшнего дня твое имя не такое, как было прежде. Теперь тебя будут звать царица Елена Прекрасная. Я украла тебя по приказу царя Костя царства Костей. Он хочет жениться на тебе. Если ты хочешь, чтобы твои родичи были живы, то ты не скажешь царю, что ты — это не она. Ты меня

поняла?

Серафима ожидала чего угодно, только не такого. Глаза ее вытаращились, рот приоткрылся и даже дар речи запропал куда-то, оставив вместо себя только туповатое:

— Че-во?!..

Я — Елена?... Жениться на каком-то Кошее?... И Змей — девочка?...

Ну вы даете, ребята...

— Ты гуляла по саду вместе с царицей, — не обращая внимания на ее состояние,¹ продолжала Змея. — Значит, ты достаточно высокого рода, чтобы выйти замуж за царя. Как тебя зовут? Не то чтобы это имело какое-то значение.

— С-сераф-фима...

— А кто ты?

— Жена царевича Ивана...

— Ты меня поняла, Серафима, жена царевича Ивана? — теперь царевну окружили с трех сторон уже все три головы. — Тебе не нужно повторять дважды? Если ты проговоришься, я сдержу свое обещание, так и знай. А теперь — полетели.

— Но подожди! Постой! — Серафима вскинула ладони к центральной голове, взывая к ее

¹ Очевидно, привыкнув к такому проявлению людской сообразительности в ее присутствии.

и ее товарок здравому смыслу. — Ведь я не похожа на Елену!

— Он не знает, как она выглядит.

— Но она красавица!

— Ему сойдешь и ты.

— Спасибо...

— Не стоит благодарности.

— Но я все равно убегу!

— Я лично буду тебя караулить. И если ты убежишь, то я тебя поймаю. Всё. Полетели.

— Но послушай! Почему ты украл... ла... не саму Елену, а меня? Все ведь было бы гораздо проще! Еще не поздно вернуться и все исправить!.. — увидела царевна в логике действий Змеи дыру, через которую вполне можно было бы выскочить и унести ноги и все остальное.

Этот простой вопрос неожиданно привел Змею в замешательство. Она моргнула всеми шестью глазами, отвела их и, Серафима могла поклясться, что если бы она была хамелеоном, она бы покраснела.

— Какая разница... — проямлила левая голова.

— Я не обязана тебе ничего говорить, — неуверенно фыркнула средняя голова.

— Хотя, может, тебе это поможет пережить твою горькую участь, — вздохнула правая голова. — Я сначала действительно хотела

ПОХИТИТЬ ее...

— ...но, видишь ли...

— ...она бы этого не перенесла...

— ...ей вредно волноваться...

— ...потому что она ждет ребенка.

— ЧТО???! — это известие вызвало реакцию едва ли не более бурную, чем сообщение о своем предстоящем браке под чужим именем с каким-то маньяком. — Что, я хотела сказать? То есть откуда ты знаешь?...

— Мы, Летучие Змеи, знаем такие вещи, — средняя голова снова взглянула царевне в глаза, но на этот раз без угрозы — скорее, сочувственно.

— И я не смогла забрать ее...

— ...никогда бы не простила себе этого...

— ...а ты шла отдельно от всех...

— ...и вид у тебя был такой несчастный...

— ...такой подавленный...

— ...что я подумала, что хуже тебе уже не будет...

— ...и забрала тебя. Вот.

— Ну ничего себе!.. Ну ничего себе!.. — казалось, Серафима не находила других слов. — Ну ничего себе!!!..

Опять она из-за этой Ленки должна страдать! И кто только мог подумать, что та на сносях!..

Стоп, сказала она сама себе. Все могли подумать. Потому что все знали.

В последнее время с этой Еленой все носились, как с вамаясьской вазой. «Царица, хорошо ли тебе, царица, удобно ли тебе, царица, не замерзла ли, царица, не упарилась ли, не хочешь ли того, не хочешь ли этого, царица то, царица сё...». Все знали. Кроме меня. А мне просто не сочли нужным сказать. Зачем? «Ох, уж эта ужасная Серафима...» Меня никто в семье Иванушки не любил. Что бы они ни говорили, я всегда была там чужая. Да и самому ему я, такое впечатление, надоела. Вечно он чем-то занят, находит десяток нелепейших отговорок, лишь бы не проводить время вместе... Мне скоро придется в комнате его портрет повесить, чтобы не забыть, как он из себя выглядит! Летопереписи у него... Инвентаризация хроник... Наверное, вздохнул с облегчением, когда узнал, что меня эта гадина утащила! Избавился от лишней головной боли... Да от такой жизни хоть к Костею в жены — и то малиной покажется!..

Где-то в глубине своей смятенной, растерянной души Серафима понимала, что возводит страшную напраслину на Ивана, но ничего не могла с собой поделаться — уж больно все оказалось внезапно и очень плохо. И если действительно суждено ей будет провести остатки дней замужем за этим костлявым царьком,² то

² Конечно, она сильно надеялась, что это будут остатки

думать и помнить о том, что Иван и вправду любил ее и теперь места себе не находит, было бы уж совсем невыносимо. Расслабляться нельзя. Надо быть собранной, готовой в любую минуту бить или бежать, что бы ни говорила эта змеюка.

Ну, царишка недокормленный, ты еще двадцать раз пожалеешь, что связался с царским домом Лукоморья. Ну, держись!

И Серафима упрямо сжала губы, прищурилась, точно в поисках цели, и обвела взглядом все три башки, с сострадательным выжиданием наблюдавшие за ее мыслительным процессом, слишком ясно, видно, отражавшимся на побледневшем и враз осунувшемся лице.

— Полетели, — кивнула она.

Чудовище взмахнуло крыльями размером с крестьянский огород.

— А послушай, Змея, — вдруг пришел в голову царевне неожиданный вопрос. — У тебя имя какое-нибудь есть? Как тебя звать-то?

Крылья замерли. Головы переглянулись, и одна из них, потупившись, ответила:

— Змиулания... Можно Лана...

— Серафима... Можно Сима, — вымученно улыбнувшись, еще раз представилась она. Конечно,

«Сеня» ей нравилось больше, но так ее никто не называл, кроме Иванушки, и делить воспоминания о нем с первой встречной рептилией ей не хотелось.

Змиулания осторожно подняла ее и взмыла в воздух.

— Да ты не расстраивайся так, — пока одна голова прокладывала курс, две крайние склонились к ней. — Может, всё еще не так плохо. Может, он тебе еще понравится...

Последнее предположение даже в исполнении Змеи звучало фальшиво, как флейта из водосточной трубы.

— Как он хоть выглядит-то? — вздохнула Серафима.

— Х-хорошо выглядит, — несколько растерянно заверила ее правая голова. — Красивенький. Невысокий такой...

— Старенький, — сообщила левая голова.

— Тощенький... — подсказала правая голова.

— И блондин. Только лысый... — добавила левая голова.

— И одноглазый, — вспомнила правая.

— И по-твоему, это — красивенький?! — от изумления Серафима чуть не вывихнула свои собственные глаза, стараясь посмотреть одновременно в две пары змеиных очей, находящиеся по разные стороны от нее. — По-твоему, это — «хорошо выглядит»?!..

— Н-ну, д-да, — нерешительно подтвердила правая голова. — А что тебе конкретно в нем не нравится?

Царевна от такого вопроса даже ненадолго задумалась.

— Ну, во-первых, у него всего один глаз!..

— Зато зуба два, — тут же парировала левая голова.

— Что «во-вторых»? — спросила правая голова.

— Да нет... Какое уж тут «во-вторых»... — разговаривая, скорее, с собой, пожала истерично плечами Серафима. — Все в порядке. Красотулечка. Блондин. Два зуба — глаз один... Лысый, зато тощий...

Змиулания, похоже, обиделась:

— Что ты имеешь против лысых и тощих? Это несправедливо! Человек не может отвечать за то, как он выглядит!

Серафима хотела возразить, что у Змеи несколько устаревшие понятия о справедливости и здоровой пище, но решила сосредоточиться на первом пункте.

— Против просто лысых и тощих я ничего не имею! Ты бы видела моего отца! Но я имею против лысых и тощих, которые приказывают другим воровать для них людей! Кстати, почему ты это делаешь?

— Что — это? — уточнила Змиулания.

— Всё это! — обвиняюще возгласила царевна. — Меня украли! Что мы вообще тебе сделали?! Почему ты его слушаешься? Тебе это нравится? Ты с ним заодно, да?

Змиулания была первым живым существом, продемонстрировавшим миру, что можно одновременно смутиться, возмутиться и разозлиться.

— Твое-то какое дело!!!..

Идохнула огнем.

Вершина горы внизу превратилась в кратер с быстро остывающей каменной жижей.

Но Серафима не испугалась. Вернее, испугалась не настолько, чтобы прекратить допрос.

— Не мое дело это было, пока ты меня не унесла! А сейчас — чье же еще, как не мое?

Змиулания задумалась всеми тремя головами, вздохнула и неожиданно тихо сказала:

— Не думай об этом, Серафима. У тебя скоро будет по горло своих забот. И не спрашивай меня больше об этом. Пожалуйста.

Царевна хотела что-то возразить, но, услышав от Змеи «пожалуйста», удивилась настолько, что не стала. Своих забот у нее, судя по рассказу ее похитительницы, действительно будет невпроворот. И до прибытия надо обдумать стратегию. То, что ей предстояло, обещало быть

еще более длительным и бессмысленным, чем игра в преферанс по переписке.

А еще ей надо будет при этом жульничать.

Ну да ничего. Пусть всем им будет хуже. Они хотели Елену Прекрасную?

Что ж. Они ее получают.

Змея приземлилась посредине самого широкого двора самого огромного замка из когда-либо виденных Серафимой, рядом с одиноко торчащей в небо черной башней с часами. К ним тотчас же подбежали солдаты в черных кожаных доспехах во главе с толстяком, который на всех кричал, не забывая и Змиуланию.

— Генерал Кукуй, — громко представился он, и от его рыка отшатнулась даже Змея. — Следуйте за мной.

Наверное, он ожидал слез, обмороков, истерик или, на худой конец, возражений и пререканий, но все это Серафима берегла для другого зрителя, и поэтому удостоила генерала только колючим, как лезвие стилета, запоминающим взглядом, от которого он даже сбавил громкость на полутон и больше к ней не обращался. Впрочем, может, это Костей приказал ему не трепаться шибко, подумала Серафима и решила больше не делать пока выводов, а просто идти в окружении его безмолвных и бесстрастных, не в пример своему

командиру, солдат.

Серые шершавые стены замка медленно надвигались на нее. Замка, который уже знал, что станет ее тюрьмой, и теперь абсолютно безразлично взирал на нее черными пятнами зарешеченных окон, ожидая ее приближения.

Так и надо. Надо быть холодной, безразличной и непроницаемой, как камень. И даже как лед.

Царь Костей сделал шаг навстречу пленнице и наткнулся не на стену — на многокилометровую толщу ископаемого ледникового льда ее спокойных зеленых глаз. Полк огнеметчиков, популяция Змеев на пике демографического взрыва, мировой пожар — ничто не смогло бы выжать из них даже самую малую каплю сочувствия или снисхождения.

— Кто бы вы ни были, милейший, я требую, чтобы вы немедленно приказали вашему домашнему животному отнести меня обратно в Лукоморье, к супругу моему царю Василию, — ровным голосом без тени эмоций произнесла Елена.

Его Елена. Наконец-то. Именно такой он себе ее и представлял — прекрасной, далекой, холодной... И вот она здесь.

— Меня зовут Костей. Я — правитель царства Костей, и Змея принесла тебя сюда по моему приказу, ты правильно поняла, Елена. Куколка ты

моя лукоморская...

— Матрешка, что ли? — брезгливо, сверху вниз не только в буквальном, но и в переносном смысле глянула на него пленница.

Пересилив невесть откуда накотившую на него робость, Костей упрямо сжал тонкие губы, сощурил единственный глаз, не в силах отвести его, и сделал к предмету своей мечты еще один нерешительный шаг.

Надо вспомнить ту речь, которую он заготовил еще неделю назад.

Все вылетело из головы.

Какая она красивая...

— Ты станешь моей женой, хочется тебе этого или нет. Ты — часть моих грандиозных планов, и твое согласие или несогласие не имеют никакого значения. Все решено. Снежинка упала на вершину горы. Скоро лавина поглотит весь мир, — механически, не отводя глаз от лукоморской царицы, произнес Костей, и сам не узнал собственного голоса — хриплого, срывающегося, неживого.

Так же ее можно напугать!..

Тем лучше.

Какая она неприступная!..

— Меня не интересуют прогнозы погоды, — настал черед Серафимы щурить глаза-бойницы, и Костей с замиранием сердца почувствовал, что

обещанная им лавина — всего лишь жалкая кучка снега на детской площадке по сравнению с глобальными катаклизмами, предрекаемые ее ледяным взором. — И я не помню, чтобы мы пили на брудершафт. А кроме того, у меня есть муж, и я не буду выходить замуж за какого-то сельского короля хрящей, или как вас там, со способностями к дрессуре. Выступайте в цирке, милейший, если вам не хватает внимания. А я покидаю вас.

И, не дожидаясь реакции со стороны хозяина, Серафима развернулась и величаво поплыла к выходу.

Он не знал, что она начала отсчет.

Раз. Два...

— Нет, постой!..

Костей едва успел остановить сам себя, чтобы не побежать за ней вслед как последний смертный, махнул рукой — и двери зала захлопнулись с раскатистым гулом.

— Стой, тебе говорят!..

И невидимая сила развернула своенравную пленницу, подхватила ее и усадила на грубый деревянный стул с подлокотниками, который все в этом замке гордо называли креслом.

— Нет, ты выслушаешь меня до конца, строптивая женщина! — яростно кинулся к ней царь.

— Если вы действительно хотите, чтобы я вас

выслушала перед тем, как уйти, возьмите на себя труд запомнить, что ко мне надо обращаться «ваше величество» и говорить «вы», — снизошла презрительно Серафима.

Я спокойна и холодна, напомнила она себе. Я — лед и пламень... тьфу, то есть, лед и камень. И мне абсолютно всё равно, что он, оказывается, еще и колдун. Ну вот всё равно — и всё. Всёравнее быть просто не в состоянии. Ну, подумашь, колдун. Что я — колдунов не видела. Я спокойна, как сто слонов. Нет, как тысяча. И мне вправду чесслово ну вот совершенно абсолютно всё это безразлично. Ха, колдун!..

МА-А-А-А-МОЧКИ РОДНЫЕ!!!!..

ПОМОГИТЕ!!!!..

— Ты... вы не уйдете! — начал было и быстро, к собственному смущению, исправился Костей и отступил на несколько шагов. — Этот замок вы покинете или моей женой, или тру... или не покинете его никогда! Возврата к прошлому нет! Наша женитьба — только первый шаг к моему будущему величию. Я слышал, у те... у вас имеется множество совершенно ненужных родственников — это проблема решаемая. Можете считать, что их уже нет. И это будет последняя преграда между мной и этим вашим Лукоморьем. Да, я гений вселенского масштаба, и мне мало этого затхлого царства на задворках Белого Света — я хочу

обладать всем миром. И обязательно буду. Вы и я будем его единоличными правителями. Моей магии в сочетании с запасами людей и сокровищ Лукоморья никто не сможет противостоять! Я стану всемогущим! Под моим натиском падет все Забугорье — Вондерланд, Шантонь, Лотрания — а потом и весь мир! Так что, я предлагаю вам стать женой владыки мира. «Ваше величество» будет звучать для вас унижительно. Мы придумаем новое звание, от которого будут трепетать народы и континенты. Все и всё будет лежать у ваших ног. Власть, слава, богатство — всё! Выбор за вами... Не то, чтобы он у вас был, — после короткой паузы опомнился, устыдился своей пламенной речи и уточнил царь, тут же потупив очи.

Пока Костей говорил, лицо Серафимы медленно превращалось в маску холодного внимания, рядом с которой выражение змеи за секунду перед броском показалось бы рассеянной мечтательной улыбкой.

Как бы ни ойкал вечером Иванушка, что бы не ворчала на примерках Елена, а хороший метательный нож в рукаве никому и никогда еще не помешал.

Костей услышал шорох парчи, поднял глаз, но не успел ничего понять, как из руки царицы вылетела стальная молния и ударила его прямо в горло... и отскочила.

Узкие губы царя растянулись по направлению к ушам. Возможно, он имел в виду улыбку.

— Я забыл сказать вам, Прекрасная Елена. Я бессмертен, а значит неуязвим...

— Что, совсем?!..

— Да, моя царица. И я бы охотно пережил еще несколько покушений на мою жизнь, лишь бы увидеть на вашем прекрасном личике хоть какое-то выражение, отличное от равнодушия и пренебрежения.

— Что, совсем-совсем неуязвим?! — Серафима напрочь позабыла о своей нелегкой роли и судьбе, вскочила со стула и быстро подобрала нож.

Так настоящий герпетолог, укушенный змеей, вместо того, чтобы кричать и бежать за противоядием, хватается одной рукой за змеиный хвост, другой — за свою записную книжку и радостно начинает описывать новый, неизвестный ранее вид, называя его именем своей возлюбленной.

Бессмертие? Да вы просто не с той стороны брались за дело!

— А так? А так? А так?... — она несколько раз попыталась воткнуть нож в различные части тела Костя — под разным углом и с разным усилием, но с одинаковым неуспехом. — Что, ты совсем ничего не чувствуешь?

— Н-нет... — лицо Костя вытянулось, как вамаясский сарафан после стирки, и, казалось, он просто впал в ступор от такого поворота событий.

— Н-ну-к-ка, а так? — и она зашла ему в тыл и попыталась свернуть ему шею.

— Н-нет...

— А так?... — дубовый стул обрушился на пошедшую кругом голову Костя.

— Н-нет...

— А так? — щипцами был принесен переливающийся жидким пламенем черно-красный уголек из камина и приложен к Костеевой груди рядом с таким же алым камнем на золотой цепи.

Одежда начала тлеть, но Костей даже не дрогнул.

— Н-нет...

— Хм... Тяжелый случай... — поскребла под венцом Серафима. — А если в окошко выбросить? Что-нибудь сломается?

Этот вопрос поставил в тупик даже Костя.

— Н-нез-знаю... М-меня никто еще не выбрасывал в окошко...

— Подходи, — царевна решительно ухватила его за рукав и потянула в указанном направлении. — Решетку щас снимем. Какой у нас тут этаж?

— П-пятый... Но Елена!.. Что ты делаешь!.. Я не собираюсь прыгать ни в какое окно! — кажется,

царь Костей потихоньку начал возвращаться в себя.

Серафима остановилась.

— Жаль. Хм-м-м... Что у нас остается? Из большого лука стрелять? Травить? Раздавить под прессом? А, во, точно! — и она завертела головой по сторонам. — У тебя тут чана с водой не найдется?

— Зачем?!..

— Попробуем прекратить доступ воздуха в организм, — с видом и авторитетом Великого Магистра на показательных выступлениях в собственной лаборатории пояснила раскрасневшаяся от усилий царевна.

— Но Елена!.. Елена!.. Елена!.. — Костей от растерянности и смятения не находил других слов. — Елена!.. Я теб... вас совсем не такой представлял!..

— Что?

Через пелену экспериментаторского духа до Серафимы, наконец, дошло, что она рискует выдать себя с головой и через это подвергнуть опасности ничего не подозревающих — пока — Ивана, царя, царицу и эту сухую мозоль Елену Настоящую. Она поспешно отдернула руки от своего пояса, при помощи которого, за неимением под рукой воды, хотела проверить, не удастся ли прекратить доступ воздуха в организм более простым путем, и сделала вид, что просто хотела его поправить. Маска

снисходительного равнодушия с некоторым усилием согнала с лица испуг и разочарование.

— Извините, милейший, — слегка выпятив нижнюю губу, процедила царевна. — Кажется, я несколько увлеклась.

Ни дать, ни взять — светская львица всех королевских дворов Белого Света. Какие эксперименты? Вам показалось, милейший. Но царя теперь было с толку не сбить.

— Я думал, что похищаю скромную и кроткую женщину, а вы... вы... Вы оказались самоуверенная... коварная... безжалостная...

Серафима почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног в неизвестном направлении, не сказав последнего «прости».

Прощай, Иванушка... Я не хотела...

— Вы не смеее так разговаривать с беззащитной девушкой!..

— Кажется, вы утомились, — Костей тоже попытался казаться безразличным, но продемонстрировал только то, что его не взяли бы даже в сельскую самодеятельность. — Вас проводят в ваши покои. Там вы отдохнете и переоденетесь к ужину.

И он сделал то, чего не делал никогда в жизни.

Он поклонился.

Впрочем, еще одну вещь, которую он тоже не

делал никогда в жизни, он совершил еще несколько минут назад.

Костей влюбился.

Повинуясь приказу царя, угрюмые солдаты в черном проводили Серафиму такими же угрюмыми коридорами, только в сером, до места ее заключения — одной из многочисленных башен — кряжистых, массивных, уходящих в небо бастионов, построенных, чтобы встретить и пережить не один десяток осад, землетрясений и, как минимум, парочку концов Белого Света в придачу.

По дороге царевна подвела краткие итоги первой встречи и пришла к неутешительному выводу, что ее похитил колдун, который к тому же бессмертен, что над Лукоморьем вообще и всеми ее родичами — по линии Иванушки в частности — нависла страшная угроза, предотвратить которую она была не в силах, и что ни предупредить их, ни бежать отсюда невозможно.

Оставалось только отдаться на волю судьбы и ждать, что та уготовала для нее далее.

Ну а раз так, то надо было постараться сделать так, чтобы ее краткое (она все еще надеялась) пребывание здесь запомнилось всем и надолго.

Особенно ее самозваному женишку.

Если это закончится плохо для нее — что ж...

Тем лучше.

В семнадцать лет все в глубине души знают, что они бессмертны, а проводить вечность в компании этого недокормленного царька ей отнюдь не улыбалось. Поэтому тактику Серафима выбрала простую: помирать — так с музыкой.

Несколько идей на этот предмет у нее уже были, остальные должны были представиться по ходу действий.

Неизвестно, планировал ли Костей запугать свою пленницу, подавить волю к сопротивлению, убить всякую надежду на избавление или просто не оставить под открытым небом, выбирая для нее эти палаты — серые, холодные, с закопченным, забывшим что такое огонь, камином, буйством паутинных кружев под высоким, но давящим своей серостью и корявостью потолком, и таким слоем пыли на антресолях единственного шкафа, что его можно было видеть, не вставая на стул. Добился же он только того, что раздражение царевны, и без того решившей идти вразнос, достигло того уровня, когда выбивает клапана, срывает манометры, а сам котел находят на центральной площади.

Причем соседнего города.

Взрыв произошел, когда она узнала, что охранять ее действительно поручено Змее, которая будет жить в смежной светлой комнате наверху с

огромным, во всю стену, окном, хоть и незастекленным. И это при том, что на ее уровне — только три жалких, стесняющихся своего существования узеньких окошка-бойницы, и то два из них во двор.

— Я, царица Лукоморья, дочь царя Стеллы... одного из царей Стеллы, но это неважно! — не буду жить в одном помещении с неуправляемым чешуйчатым животным! И мне не нравятся эти каморки! Мне не нравится эта башня! Мне не нравится этот замок! И я требую окон в моих комнатах! Много! И штор на них! И нормальной мебели, а не этих ваших ящичков из-под гвоздей! И шкафов для всего этого вашего тряпья, которое в Лукоморье не стала бы носить даже прачка!

Ошарашенные таким натиском солдаты вытянулись во фронт, прижались к стене и молча вытаращились на разошедшуюся Серафиму.

— Что это, по-вашему, а? — развоевавшаяся царевна ткнула в нечто серо-коричневое, наклеенное на стены, и поэтому имевшее шансы быть обоями.³ — Что это, я вас спрашиваю, а?!

— Не можем знать! — в один голос рявкнули солдаты.

³ Хотя в прошлой жизни оно наверняка было самой дешевой упаковочной бумагой в мясной лавке.

Своим ограниченным умруновским интеллектом они понимали, что человек, который способен на них орать с таким самозабвением, не может быть никем иным, как командиром. А на вопросы командиров гвардейцы отвечать были приучены. К тому же они действительно первый раз в жизни видели обои, которые их правитель, в великодушном порыве обустроить шикарные апартаменты для своей будущей супруги, приказал наклеить в этих комнатах.

Для всего остального замка это было неслыханной, немислимой роскошью, необъяснимым излишеством, о существовании и назначении которого никто не мог даже начать догадываться.

Для Серафимы это было поводом начать разведку боем.

— Ах, так?! — она воткнула руки в боки, сжала губы, прищурила глаза и поперла грудью на солдат. — Тогда немедленно сдерите ЭТО со стен! Я ни секунды более не буду находиться в одной комнате с ЭТИМ, что бы это ни было!!! Быстро!!!

Приказы командования не обсуждаются. И через десять минут гвардейцы стояли по колено в рваной, пахнущей вторсырьем и сыростью бумаге, большей частью и так добровольно отвалившейся с серого гладкого камня.

— Что вы тут накидали?! Свинарник развели!

Немедленно выбросьте это!!!

— Куда? — сосредоточенно посмотрел на нее один умрун.

— В окно!!!

Сначала генерал Кукуй обеспокоился долгим отсутствием почетного эскорта, отряженного проводить Елену Прекрасную до ее места заключения. За ним старший советник Зюгма озаботился непонятной кучей отвратительных ключев бумаги во дворе. Потом оба они застали врасплох и смутили царя, рассуждавшего в уединении в банкетном зале над неразрешимой проблемой этикета — стелить ли на стол скатерть, или просто приказать поставить тарелки на том его конце, частое использование которого было еще не так заметно. Усилиями совместного логического мышления они скоро пришли к одному выводу, и все трое, сначала степенно, а потом — вприпрыжку, прибыли к месту заключения их лукоморской пленницы.

Едва успев открыть дверь, они были тяжело поражены в самый центр обоняния большой затхлой подушкой.⁴ Маленькое вонючее облачко

⁴ Вошедшая в раж Серафима не стала дожидаться, пока визитеры представятся — она била на звук, и такое удачное попадание стало приятным сюрпризом.

лысых слезавшихся перьев и испревшего пуха окутало первые лица царства Костей и быстро облепило их, а остатки осели под ногами.

— Ф-фу...

— Чхи!..

— Елена!.. Что все это значит? — несмотря на титаническое усилие Костея, этот вопрос прозвучал не угрожающе, а жалобно.

Даже бессмертный гений зла, облепленный перьями, не может выглядеть угрожающе по определению.

— Ах, это вы, милейший! — Серафима моментально сложила черты лица в уже отрепетированную и зарекомендовавшую себя гримасу холодной брезгливости. — Я навожу здесь порядок. Не думаете же вы, что если вы похитили меня из родного дома при посредстве вашей отвратительной рептилии, то я буду обязана жить в этой убогой конуре, куда вы сочли возможным меня заточить!

— Все похищенные царицы живут там, куда их заточают!.. — возражение Костея прозвучало как оправдание.

— Я — не все! Я — Елена Прекрасная! А в таких свинских условиях у вас не стала бы жить даже Крошечка-Хаврошечка!

— Но это — самые лучшие апартаменты! Здесь даже есть... были обои!

— Обои! Ха! Вас обманули, милейший — обои должны быть из шелка, а не из промокашки!

— Что?!..

— А эта пыль, грязь, паутина! Вы, верно, собирали их по всему замку специально к моему прибытию? Хорошо, что тут хотя бы были тряпки...

— Где мои гвардейцы? — воспользовавшись замешательством своего повелителя, из-за его спины выглянул генерал Кукуй.

— Гвардейцы? Моют пол, сматывают паутину и выгребают пыль. Если вы пришлете еще человек десять, им тоже найдется занятие, генерал.

— Да кто вам...

— И, кстати, вам кто-нибудь говорил, что вы — единственный в мире человек, которому не идет черное? На вашем месте я бы внесла в ваш костюм свежую струю цвета — вы бы смотрелись тогда более эстетично. Если вы будете хорошо себя вести, я обещаю подумать над этим вопросом и дать вам свои рекомендации.

— Что?!..

— Но тут не было никаких тряпок! — настал черед Зюгмы подхватить выпавшее из рук товарищей знамя. — Я лично готовил эти покои к вашему... появлению! Здесь были только наря...

Гром и молния! Наряды! Я лично заказывал их портнихам в городе! Платил... обещал заплатить золотом!.. Они шили их два дня!.. Мои наряды!.. Ваши наряды!..

— Скорее, ваши, чем мои, — елеино улыбнулась советнику Серафима. — Я такое не ношу. И никто не носит. Уже лет семьдесят. Так что, вы должны быть довольны, что им нашлось хоть какое-то применение, кроме протухания в шкафах и прокормления моли.

— Что?!..

Костей вдруг с ужасом понял, что все идет не так, как должно, что инициатива им была только что потеряна во второй раз, а, вернее, и не находилась с раза прошлого, и что он стал свидетелем невообразимого еще несколько часов назад конфуза двух своих первых помощников.

Конечно, от этого можно было отмахнуться, но самым главным было то, что ОНИ стали свидетелями конфуза ЕГО.

Конечно, он-то это переживет...

Взяв эту мысль на заметку, он взмахнул рукой по направлению к двери:

— Зюгма, генерал — можете идти. И заберите своих... солдат.

Слово «умрунов» чуть привычно не сорвалось с его языка, но он вовремя спохватился — Елене рано еще было знать это. Пока с него было

достаточно проверки его бессмертия и превращения в руины самых роскошных покоев замка.

Слово царя, даже сказанное вполголоса, было законом.

Пока.

И оба придворных мужа и умруны, без лишних напоминаний, побросав все дела, быстро, как вода из решета, исчезли. Костей остался с пленницей наедине.

Несколько секунд ему понадобилось, чтобы вспомнить, что он, а не она хозяин этого замка, этой страны и — очень скоро — станет хозяином этого Белого Света. Еще пара — чтобы сообразить, как такие люди должны разговаривать со всем остальным миром и придумать первую фразу, которая недвусмысленно демонстрировала бы все вышеизложенное.

Наверное, это была очень запоминающаяся и емкая фраза — сейчас мы этого уже не узнаем. Потому что, воспользовавшись замешательством противника, Серафима решила углубиться на его территорию.

— Смотрите! — трагично вскинув брови домиком, она обвела дрожащей рукой картину разрушения вокруг, медленно начинающую вырисовываться из оседающей пыли. Любой вражеской армии, чтобы добиться такого, пришлось бы поработать в три смены как минимум два

дня. — Посмотрите, что вы наделали!

— Я????!!!..

— Да, вы! Это произошло по вашей вине! Неужели унижать и оскорблять несчастную девушку, и без того грубо и внезапно похищенную вами из родного дома, доставляет вам удовольствие?!..

В другое время Костей без раздумья ответил бы утвердительно, но теперь что-то ему нашептывало, что настала пора пересмотреть систему ценностей.

Но некоторые люди предпочитают до конца отрицать очевидное.

— Да, сударыня, — он твердо сжал губы и вперился единственным оком в переносицу пленницы, потому что так и не смог решить, в какой именно глаз собеседнику лучше смотреть. Как бык, который видит перед собой матадора, помахивающего красным плащом, и верит, что чтобы сравнять его с землей, надо всего лишь хорошо разбежаться, он был не в силах оставаться на месте. — Это ВЫ устроили тут разгром, и ВЫ будете продолжать здесь оставаться, нравится вам это или...

— Нет. Меня вполне бы устроили эти покои, если бы не пыль, — матадор, сделав изящный поклон, отступил в сторону. — Видите ли, я не выношу пыли. Я выхожу из себя. Но если с этим

ничего нельзя поделывать даже при помощи магии... Извините, я не хотела вас обидеть, я понимаю, что у каждого чародея — свои ограничения, пара отработанных эффектных трюков, за которыми стоят годы упорного труда...

За спиной у пижона в красном плаще оказалась яма. Но бык, даже провалившись туда со всеми рогами и копытами, так и не понял, что произошло.

— Трюков? — презрительно перекосившись, выплюнул это слово Костей. — Ограничения? У меня нет ограничений! Смотрите, вздорная женщина!

Серафима быстро решила, что за «вздорную женщину» отыграется позже, и стала смотреть.

Костей, победно ухмыляясь, провел рукой, как будто стирая что-то со стекла, на груди его вспыхнул алым огнем камень, и вся пыль и паутина исчезли из комнаты, как будто их там никогда и не было.

— Смотрите!

Стены покоев на глазах оделись в черный шелк.

— Смотрите!

Шелковое черное платье приобрел и потолок.

— Смотрите!

Кровать покрылась таким же шелковым покрывалом, по которому тут же разбрелась отара

упитанных подушек в наволочках из — угадайте! — черного шелка.

Серафима перед следующим превращением успела заключить с собой пари, что О покроется в черный шелк следующим ходом, и сама же себе проиграла, потому что предположить, что черным шелком можно покрыть пол, не хватило воображения даже у нее.

Камень на груди царя стал медленно меркнуть.

— Трюки! Годы! — высокомерно хмыкнул Костей и торжествующе глянул на пленницу, ожидая увидеть восхищение, благоговение, изумление, но наткнулся на задумчивый оценивающий взор.

— Искусство ваше вельми необычайно есть, — почему-то перешла на старолукоморский Серафима. — Но не кажется ли вам, царь, что черный для жилой комнаты будет несколько мрачноват?

Костей в недоумении уставился на нее. С его точки зрения «мрачновато» было не недостатком, а комплиментом.

— Я бы сказала, цвет морской волны сейчас чрезвычайно модный, — так же медленно продолжала думать вслух царевна. — Но я понимаю, что, наверное, это слишком сложно...

— Сложно? — фыркнул Костей. — Нет

ничего проще!

Текучий жест рукой, вспышка камня — и Серафима ощутила себя на дне морском.

— От такого количества этого цвета у меня начинается морская болезнь! — синхронно с комнатой позеленев, простонала она. — Давайте попробуем золотой!..

Снова жест, вспышка...

— Нет, столько золотого — пошло! Пожалуй, лучше светло-синий, с ненавязчивым набивным рисунком... Нет, зачем вы покрывало с подушками сменили — там золотой был вполне к месту!.. Ах, не надо было обратно переделывать, раз уж сменили! Я думаю, белый с голубыми цветами будет самое то... Костей, ну разве, по-вашему, кактус — это цветок? И, тем более, где вы видели голубые кактусы? Когда я говорила «с цветами», я имела ввиду что-то вроде розочек... Ну и что, что голубых роз не бывает! Их не бывает гораздо чаще, чем голубых кактусов!.. И они должны быть вытканы на шелке, а не нарисованы, фи, это же ширпотреб!.. — мысленно поблагодарив Елену Прекрасную за столь ненавидимые ей часы, проведенные в лавках с тканями, Серафима сконцентрировалась, обвела проворным взглядом комнату и с новым вдохновением продолжила:

— ...Нет, это не всё. Если вы не хотите устроить здесь пожар, нужно заменить факелы в

кольцах на стенах на люстре под потолком... Нет, не такую! Свечей должно быть больше!.. Нет, еще больше! В три яруса!.. И хрусталя... И золота... А сами свечи синие... Нет, бежевые... Нет, белые... Или лучше синие?... Ну, ладно, давайте оставим морскую волну. Ну, и что, что у нас не было морской волны на свечах? Сейчас будет, вы же великий маг!.. А чтобы потолок не загорелся, его нужно поштукатурить и покрыть лепниной... Ой. Что это?... Лепнина? Как вы ее представляете? Костей, вы не представляете, что такое потолочная лепнина! Современная потолочная лепнина — это когда в центре располагается художественная группа из цветов, орнамента, животных или листьев растений, а по периметру потолка...

«Спасибо тебе, Елена, и за визит штукатурка».

— ...А кстати, у нас еще остались межкомнатные двери, оконные рамы, и сами три комнаты, и дизайн у них должен быть разный, но гармонирующий... И мебель. Так... Пожалуй, начнем с портьер. Как насчет зеленого? Нет, еще зеленее... Еще чуть-чуть... Нет, в первый раз было лучше... Или лучше розовый?... Нет, все-таки, давайте оставим зеленый, который был в третий раз... Нет, лучше в первый... Что с вами, вам плохо?

Лицо самого царя уже можно было использовать в качестве эталона цвета «зеленый

номер раз». Он стоял, покачиваясь, бледно-зеленого оттенка, и слабо-розовая искорка нервно мигала где-то далеко в глубине его алого еще несколько часов назад самоцвета.

— Д-да... — едва ворочая языком от усталости, проговорил Костей и навалился на сине-белую шелковую стену. — Н-наверное, съел... что-нибудь... Такое ощущение, будто лично вывернул весь Белый Свет... наизнанку...

— Это ничего, — многообещающе улыбнулась ему Серафима. — Вот поужинаем и продолжим с комнатами и коридорами. У нас замечательно получается. Только вот...

— Что? — испуганно встрепенулся царь.

— Да нет, ничего... Просто мне пришло в голову, что в комнате обязательно должны быть ковры. Только я еще не придумала, какие. Давайте начнем с шатт-аль-шейхских с геометрическим рисунком, что-нибудь этакое, с кистями, ворсистое, но износоустойчивое... Нечто бежево-голубое я себе представляю, только в сиреневых тонах... Или красно-зеленое... Или желто-белое... Или серо-буро-малиновое... Нет. Что-то не так. Что-то мы не правильно делаем, а что — не могу понять. В голову ничего не идет абсолютно. Я вот все думаю, может мы в самом начале ошиблись? Может, зря мы от золотого отказались?... Давайте попробуем вернуть все как было после морской волны...

— Нет!!!..

Костей, собрав последние силы, выскочил в коридор и захлопнул за собой дверь.

Ужин на одну персону молчаливый солдат в черном принес Серафиме в покои.

Осторожно понюхав горку склизкой перловки, выглядывающую из-под куска недожаренного мяса — царский ужин — царевна пришла к выводу, что если бы Костей хотел ее отравить, то специально добавлять что-либо в это меню у него не было бы необходимости. Но и терпеть голод у нее сил больше не было. Поэтому осторожно отъев ровно столько, сколько требовалось, чтобы притупить его и мысленно сделав в списке дел на завтра пометку напротив пункта «Казнить шеф-повара», она решила приступить к подробному осмотру места своего заточения.

Дверь в коридор, запертая снаружи на засов, не открывалась, но этого Серафима от нее и не ждала. Осторожно выглянув из окна, она пришла к выводу, что до земли тут метров двадцать и что при необходимости она сможет в него протиснуться. Если сильно выдохнет. И не будет до этого есть недели три. Простукивание стен тоже не принесло ничего утешительного — полное отсутствие потайных лестниц и скрытых переходов. Безобразие. Кто только строит такие замки. Чтоб их

вот так же засадили когда-нибудь.⁵

Оставалась неисследованной только лестница наверх.

В покои Змиулании, или в змеюшник, как она их мысленно называла.

Царевна прислушалась: сверху не доносилось ни шороха, ни звука, но она почувствовала, что Змея была там. Слишком настороженной, и даже испуганной была тишина.

Ну что ж. Попытаем счастья еще раз. Змея производила впечатление человека, с которым можно договориться. Одним врагом меньше — так же хорошо, как одним союзником больше.

И Серафима решительно ступила на первую ступеньку и сразу поняла, с чего ей надо было начинать испытание Костея на прочность.

С новой пары обуви.

Змея наверху ее уже ждала. Она лежала на голом каменном полу, свернувшись вокруг хода, ведущего вниз, и все три пары желтых, светящихся в темноте глаз буравили полутемный проем.

⁵ Возможно, тот факт, что проектировщик этого замка провел остаток своих дней — а конкретной, три тысячи двести четыре — запертый именно в этих покоях и пришедший экспериментальным путем точно к такому же выводу, слегка бы утешил безутешную царевну, но она об этом не знала.

— Ну как прошел первый день? — задала она вопрос сразу же, как только голова Серафимы показалась на свет луны.

— Восхитительно, — раздраженно фыркнула царевна. — Все как ты говорила. Только кое-кто меня забыл предупредить о нескольких мелочах, вроде его бессмертия, его магии и его намерения покорить весь мир, начав с Лукоморья. И о его кровожадных планах в отношении моих родственников. А так — просто прекрасно. Замечательно. Чудесно. Я в экстазе.

Змея завозилась, отвела взгляды и хмуро отозвалась:

— Это все равно не имеет значения.

— Как это не имеет?! Что значит — не имеет?! Очень даже имеет!!! Послушай, ты, как там тебя... Змиуланя. Ты что — с Луны свалилась? У тебя что, сроду не было никаких родных там всяких, любимых и просто друзей? Ты что, деревянная? А вот тебя бы на мое место — что бы ты тогда говорила и делала, а?!

— Мне и на своем месте хорошо, — насупилась Змея. — А до моих родственников тебе нет никакого дела! Как и мне — до твоих. Мне вообще ни до кого нет дела!

— Если бы тебе вообще ни до кого не было дела, ты бы выкрала Елену, как тебе заказывали, а не морочила головы всем! Змиуланя, ну ты же не

такая!

— Не какая еще это? — прищурилась Змея.

— Не такая злобная и бесчувственная, какой хочешь зачем-то казаться! Я же вижу! Да, я не могу сказать, что знаю про Змеев-Горынычей всё, но то, что я знала, имеет с тобой очень мало общего! Чтобы не сказать, вообще ничего! Вот про кого сказки-то писать надо!

— Какие еще сказки? — даже в темноте по выражению морд Змиулании было видно, что если бы она решила наконец, у виска какой головы покрутить когтем, она бы покрутила.

— Хорошие! Со счастливым концом! Я видела голубей более кровожадных, чем ты! Какие общие дела могут быть у тебя с этим чахлым незадохликом? Скажи мне честно — ты любишь его или просто уважаешь?

— Да я его ненавижу!!! — кипящим гейзером вырвалось у Змеи разъяренное трехголосое шипение.

От неожиданности Серафима отпрыгнула и чуть не споткнулась о ее хвост, но вовремя схватилась за змеиный гребень на боку и устояла.

— Смотри: ты не любишь и не уважаешь этого хоряка с манией величия, но все же готова для него в лепешку расшибиться, — она цепко оглядела все три морды, на всякий случай пытаюсь угадать, какую реакцию ей ждать на этот раз. — Что

остается? Змиулания, ты его боишься...

— Я не боюсь его!!! — Змея вскинулась, взвилась, яростно распахнув крылья, огонь вырвался из ее пасти и превратил камень под ее ногами в раскаленную добела лужицу. Царевна, сбитая потоком воздуха от крыльев, кубарем скатилась вниз по лестнице и растянулась на последнем подарке Костя — психеделическом лохматом ковре — полностью пропав в его ворсе.

— Коза трехголовая!.. — ругалась она, вскакивая на ноги, путаясь в подоле и ворсе, падая и снова вскакивая. — Ничего мы не боимся! Только кричим мы об этом шепотом почему-то!

Перепрыгивая через две ступеньки и на ходу давая себе клятву на следующий день страсти с Костя или, на худой конец, с его советника целый шкаф туфель, ботинок, сапог и прочих тапочек, Серафима снова помчалась вверх.

— Извини, я не хотела... — Змиулания ее уже ждала. Опущенные полуприкрытые глаза тускло светились в темноте мягким желтым светом.

— Чего? — уточнила Серафима, хоть и не рассчитывая услышать «Красть тебя, давай я отнесу тебя обратно и все забудем», но кто его знает...

— Сбрасывать тебя вниз. И еще я не знала о всех его планах. Насчет твоей страны. И родных. Правда. Мне очень жаль. Но это ничего не меняет! — угадав следующую реплику Серафимы,

вперилась она всеми своими желтыми очами в глаза царевны.

Та взгляд выдержала.

Не узнали одно — попытаемся разузнать другое.

— А что за камень висит у него на груди — ты тоже не хочешь мне сказать? Или не знаешь?

Не уточняя, кого «его» имела в виду царевна, Змея тут же ответила:

— Это Камень Силы. Рассказывают, таких Камней было изготовлено великими людскими магами древности всего несколько штук за все века, а сейчас секрет их изготовления и вовсе утерян. А может, силы у современных чародеев не хватает — я не знаю. С вами, с людьми, всегда так все сложно... Но одно я могу сказать тебе точно. Это — страшная вещь. Говорят, в руках мага он превращается в источник неограниченной мощи. Благодаря такому Камню сила Костя беспредельна, и никто не может с ним тягаться — ни среди чародеев, ни на поле боя. Насколько я знаю, обычные маги должны выучить заклинание, сотворить его, и только тогда получают то, чего хотели. С Камнем не так. Костей просто обращается к его силе и использует ее... Ну, как вы используете ложку. Или меч. Как инструмент, — нашла Змиулания подходящее сравнение. — Так что, если он действительно решил завоевать ваш мир — он

будет завоёван. Никто не сможет ему помешать.

— «Ваш»... — передразнила ее Серафима. — А ваш? Или у Змеев нет своей земли, и они живут где попало?

— У Змеев есть своя земля. Она не так далеко отсюда, но люди о ней мало что знают — она не для них. Там не добудешь богатства, тайных знаний или славы, поэтому людям и Костею она неинтересна.

— А драконы тоже там живут? — вспомнив их с Иванушкой летнюю встречу с этим представителем рода летающих ящеров, поинтересовалась Серафима.

— Драконы? — удивленно переспросила Змиулания, и Серафиме показалось, что она улыбнулась в темноте. — Нет. Драконов там нет. Это не их земли.

— Вы с ними не дружите?

— Дружить? С ними? — казалось, сама эта мысль рассмешила ее собеседницу окончательно, и царевна почувствовала на своем лице теплое дыхание Змеи. — Это же просто животные. «Тупиковая ветвь эволюции», говорят наши мудрецы. Правда, я так никогда и не смогла понять, что они под этим подразумевают, но они действительно тупые, это верно. Но некоторые Змеи считают, что мы когда-то давным-давно произошли от них. Но вот это уж слишком, я

уверена. Не знаю, может, тебе это не интересно... — потупилась вдруг Змея.

— Что? — покосилась царица.

— Легенда о происхождении Летающих Змеев. Мне она очень нравится.

— Почему? Очень даже интересно. Расскажи?

— С удовольствием. Однажды, в стародавние времена, юная прекрасная Земля влюбилась в пылкого романтического Эфира. Он отвечал ей взаимностью, и они хотели пожениться и быть навеки неразлучными, но их родственники были против. Они считали, что Земля и Эфир — не пара, каждый должен знать свое место, и для их же собственного блага они должны забыть друг о друге как можно скорее. Однажды эти родичи, сговорившись, выследили влюбленных в месте их постоянных встреч и стали окружать их, чтобы схватить и увести друг от друга навсегда. Земле и Эфиру некуда было бежать, они укрылись в своем убежище, но у них оставалось еще немного времени до того момента, как их безжалостно разлучат навеки, чтобы никогда они больше не виделись. И они поклялись не забывать друг друга и слать друг другу хотя бы весточки, но не могли найти такое существо — ни зверя, ни птицу, ни рыбу, ни гада, чтобы было отважным, верным и в то же время могло быстро и далеко лететь, бежать и плыть. Они не знали, заточат ли их в воде, на суше или в

воздухе, и куда придется добираться их вестнику. И тогда Эфир предложил сделать такое существо самим. Он дал ему огромные сильные крылья, чтобы оно без усталости летало хоть на край Белого Света и обратно, а также могло плавать и нырять хоть на самое дно самого глубокого океана. Земля же дала ему свой огонь, чтобы могло оно отбиться от любого недруга, что задумает посягнуть на восточку, которую оно будет нести, или на него самого, и чешую, гладкую и прочную, как гранит, чтобы не могли поразить его ни коготь, ни клык. Так появились первые Летающие Змеи. И с нашего языка имя нашего народа переводится как «связывающие Небо и Землю».

— Красивая легенда...

— А как появились первые люди? У вас есть своя легенда об этом?

— Конечно, есть!

Серафима откашлялась.

— Однажды, в стародавние времена, жила-была одна обезьяна... Кхм. Это. Вот. М-да. Нет, у вас интереснее.

Змиулания улыбнулась.

— Ну вот теперь ты видишь, что между нами, Летающими Змеями, и драконами, обитающими еще кое-где за вашими западными границами, за рекой Бугр, если я ничего не путаю, не может быть ничего общего, потому что они — бессловесные

твари, а мы — существа разумные, со своими мыслями, чувствами, языком... Даже не понимаю, как нас можно сравнивать. Ты когда-нибудь видела дракона, царевна?

— Видела.

— И что ты думаешь?

— Что вас действительно нельзя сравнивать друг с другом, — вдруг снова угрюмо нахохлилась Серафима. — Они — громадные тупые твари, которые так и норовят кого-нибудь сожрать безо всяких разговоров. А вы — громадные и разумные, и поэтому перед тем, как кого-нибудь сожрать, подводите под это философское обоснование.

— Ты не можешь так говорить! — снова вскинулась, размахнув крылья, Змиулания, и царевна могла бы поклясться, что возмущение той было искренним. — Я в жизни своей не съела ни одного другого разумного существа! У меня даже мысли такой быть не могло!

— Ты их просто приносишь на растерзание другим! — обвиняюще прищурилась и подалась вперед Серафима, воинственно уперев руки в боки.

— Ну вот, ты опять начинаешь, — устало опустила на пол и положила головы на крылья Змиулания. — Давай не будем об этом говорить. Иди лучше отдыхать, лукоморская царевна. Неизвестно, что ждет тебя здесь наутро. То, что ты дожила до сегодняшнего дня, совсем не значит, что

ты доживешь до дня завтрашнего.

— Умеешь ты успокоить и приободрить, — криво усмехнулась Серафима. — Ну ладно, большое и разумное существо, спокойной ночи. Если утром будет рейс на Лукоморск, не забудь меня разбудить.

— Спи спокойно, маленькая неразумная человеческая девушка, — грустно улыбнулась в ответ в темноте Змиулания. — Я должна тебя охранять, а не будить...

Утром чуть свет Серафима была уже на ногах. Поплескав в лицо холодной водой из тазика в туалетной комнате — вода сочилась здесь из стены, и за ночь набежало прилично — причесавшись и одевшись на скорую руку, она стала ждать от жизни чего-нибудь еще.

Хорошо, если это будет завтрак.

Через пять минут из коридора донесся скрежет отодвигаемого засова, дверь распахнулась с гулким бумом, и в комнату, сопровождаемый солдатами, торжественно вступил первый царский советник Зюгма.

— Его величество царь Костей приказали привести на завтрак царицу Елену, — важно объявил он, не уточняя, кто чем или кем будет завтракать, и стал ждать обмороков счастья, восторженного визга, истеричных изъятий

благодарности или хотя бы большого человеческого спасибо.

Но дождался лишь высокомерного взгляда в своем направлении.

— Доброе утро, господин... советник. Скажите, пожалуйста, вас когда-нибудь учили стучаться перед тем, как войти в комнату дамы? А здороваться?

— Но я... Но у меня... Но вы здесь... Я не обязан... — надув щеки, попытался объяснить он провал в своем воспитании, но, встретившись взглядом с царевной, моргнул, сглотнул и кивнул головой — то ли кланялся, то ли подтверждая, что все-таки учили. И выговорил:

— Доброе утро. Вы гото...

Но это было еще не все.

— Советник, вы должны знать, скажите мне: где у вас тут обувной шкаф? Я его не нашла, — изящным жестом царевна обвела свои апартаменты, демонстрируя наглядно непростительно-полное отсутствие какой-либо мебели, содержащей такую прозаичную вещь, как обувь.

— Обувной шкаф? Обувной шкаф?... Но тут никогда не было обувного шкафа! — развел руками толстенький человек.

— Тогда передайте его величеству, что я на завтрак прибыть не могу, потому что я не могу ходить босиком по замку как какая-нибудь прачка.

До свидания.

Серафима холодно отвернулась, давая понять, что аудиенция окончена.

— Босиком?... Босиком?! — Зюгма представил себе, как он передает слова Елены царю, ноги его подломились, как уже отрубленные, и он грузно опустился на ковер. — Но почему вы вчера не сказали... Не попросили...

— Это ВЫ должны были спросить и предложить, милейший. Запомните на будущее: царицы не просят. Царицы получают. А теперь ступайте.

Серафима подошла к окну и стала внимательно разглядывать что-то во дворе, как будто в комнате, кроме пыли, ничего уже не было.

— Нет-нет! — советник, пыхтя и обливаясь потом, несмотря на прохладное утро, быстро стащил с себя сапоги — коричневые, грубой кожи, до колена, только шпор не хватает — и с неуклюжим кособоким поклоном поставил перед собой. — Пожалейте! Окажите милость! Соизвольте надеть, ваше величество, осчастливьте недостойного! Они почти совсем новые! А к обеду — я клянусь! — у вас будет полный шкаф любой обуви, какой только захотите!..

Если бы это были какие-нибудь ботинки, полусапожки или туфли — они полетели бы в дарителя мигом. Но это были сапоги. С

подкованным каблуком и утяжеленным носком. Прошитые. С многослойной подошвой. В случего — вещь незаменимая, не в туфлях же бороться с мировым злом!.. И царевна решила смилостивиться.

— Хорошо. На первый раз прощаю. Но если вы не сдержите свое обещание, я буду очень недовольна. И свои объяснения вы будете давать уже его величеству.

— Все исполню, — умудряясь угодливо кланяться, не вставая с пола, Зюгма подвинул сапоги поближе к Серафиме. — Извольте-с...

Сапоги оказались немного великоваты, но после целого дня с босой ногой на это можно было и закрыть глаза.

До обеда.

Она демонстративно бросила под ноги Зюгме оставшуюся со вчерашнего дня в одиночестве левую туфельку — чтоб с размером не промахнулся — и приподняла подол шелкового платья, с удовлетворением оглядев слегка порыжевший кожаный носок трофейного сапога.

— Пойдемте, — милостиво кивнула царевна и сама пошла вперед — задрав нос, полуприкрыв глаза — как пава поплыла, сопровождаемая со всех сторон бесстрастными солдатами Костя, только подковки клацали о камень пола. Увидь ее сейчас настоящая Елена Прекрасная — расплакалась бы от счастья.

Серафима едва заметно ухмыльнулась. Если она не была образцово-показательной царской дочкой, это еще не значило, что она не знала, как ей быть. «Вам была нужна Елена? Ну так спасайся, кто может» — с мрачным удовлетворением хмыкнула она и добавила про себя же: «Ишь, как советничек-то расстилается-прогибается. Значит, вчерашнее представление Костей проглотил и не поморщился. Ну, что ж. Тогда сегодня его ждет второй акт».

Обеденный зал замка Костя был огромным, гулким и сводчатым, как пещера, и приблизительно таким же уютным. Узкие бойницы-окна терялись под потолком в полумраке, не пропуская даже самые энергичные солнечные лучи через свои покрытые пылью веков стекла. Черные — то ли от времени, то ли от копоти — неровные стены были девственно свободны от украшений и картин, обычно наперебой наводнявших такие помещения во всех виденных ей до сих пор замках. Дальний конец длинного темного дубового стола, окруженного стульями, как дохлая гусеница — муравьями, терялся где-то в темноте и пространстве, и если бы не пара канделябров со странными свечами, горевшими неестественно ровным белым светом, мимо ближнего конца тоже можно было бы пройти и не догадаться о его

существовании.

Если бы Серафиме сказали, что по ошибке ее привели в морг, она бы не удивилась.

Накрытый то ли новой простыней, то ли старой скатертью освещенный конец стола приютил несколько престарелых тарелок, блюдец и чашек, переживших свои сервизы.

В круге света, скрестив руки на узкой впалой груди, сидел на одном из массивных дубовых стульев царь Костей.

— Вы задержались, Елена, — встретил он ее колючим взглядом и раздраженной репликой.

— Доброе утро, ваше... величество. Скажите, пожалуйста, вас когда-нибудь учили вставать, когда входит дама? А здороваться?

От тона царевны среднегодовая температура мгновенно упала на несколько градусов.

Серафима спиной почувствовала, как задохнулся сзади только что бесшумно догнавший их царский советник.

— Но я... Но у меня... Но вы здесь... Я не обязан... — постарался найти нужные слова царь, но пришел к выводу, что, видимо, забыл их где-то дома.

И ему ничего не оставалось делать, как приподняться, слегка склонить голову и проговорить:

— Доброе утро.

— Здравствуйте, ваше величество, — Серафима прошествовала на место. — Я рада вашему приглашению разделить с вами завтрак. Это означает, что в ваши планы не входит заморить меня голодом.

— Заморить вас голодом? — брови Костя приподнялись. — Но вам вчера должны были принести ужин в покои. Зюгма?

Он обернулся на советника, и тот согнулся чуть не втрое.

— Все как ваше величество повелели.

Костей вопросительно взглянул на царевну.

— Если то, что мне принесли, действительно было едой для меня, а не для одной из ваших собак, то вашему повару, как честному человеку, придется покончить жизнь самоубийством, съев то, что он приготовил. А для меня вы найдете другого.

— Вам не понравилась еда? — казалось, Костей искренне не понимал причины недовольства своей пленницы.

— Нет.

Царевна двумя пальчиками откинула салфетку с блюд, поджидавших их на столе, и осторожно, как в жерло пушки, заглянула в первую тарелку.

— Смотрите, что это?

Костей прочитал запись на листе пергамента рядом с тарелками — судя по всему, меню: «Салат овощной с зеленью».

— Если это салат, — Серафима брезгливо ткнула мизинчиком в чашку размером с небольшой тазик, — песка в нем видно быть не должно...

— Положите сметану.

— ...Потому что песка там не должно БЫТЬ.

Костей провел ладонью над салатом, и объем его уменьшился на четверть.

— И кузнечиков — тоже, — упорствовала в недовольстве царевна.

— Но здесь же написано — это зелень!

— Зелень — это лук и укроп, милейший. Если, конечно, вы родом не из Вамаяси.

— Я родом из Сабрумайского княжества!..

— Тем более. Мясо должно быть прожаренным, с хрустящей корочкой, — методично, не обращая внимания на хозяина, продолжала критиковать местную точку общепита Серафима. — Картофель полностью почищенный и без ростков. Халва — не заскорузлой по краям...

— Это хлеб, — обиженно прервал ее Костей.

— Хлеб? Вас обманули. Я видела хлеб. Он не такой, — с издевательским удивлением приподняла брови царевна. — Я не капризна. Я не знаю, что такое капризы. Я в жизни своей никогда не была капризной. Никто на свете не может назвать меня капризной, — она бросила вызывающий взгляд на Костю, но тот пожал плечами и вызова не принял. — Но я требую предоставить мне

нормальную еду, соответствующую моему статусу.

— Ваш статус здесь, — прищурился царь, — моя пленница.

— А я думала, что мой статус здесь — ваша будущая жена.

Бастионы пали. Сбылась мечта идиота.

— Ж-жена? — царь приподнялся со стула и недоверчиво заглянул царевне в лицо. — Так вы согласны? Вы больше не требуете отпустить вас, отправить домой и чего еще там?...

— А вы меня отпустите? — быстро спросила Серафима.

— Нет.

— У меня есть выбор?

— Нет.

— Тогда давайте, наконец, отправимся вашим завтраком, царь.

— Отравимся? Ну, нет. Если вам это не нравится — хотя меня лично это устраивало на протяжении многих лет — я все исправлю. Дело в том, что повар — мой старый палач в отставке. Что бы вы про меня ни думали, но я не могу выбросить на улицу человека после пятидесяти лет добросовестной работы только потому, что он ослеп и у него стали трястись руки. Тем более если его навыки могли пригодиться в другом месте.

— Оказывается, у вас есть сердце, царь?

— У меня есть мозги, — Костей растянул

тонкие губы в ответ на то, что он посчитал комплиментом. Может, это была радость. — И моя магия. К вашим услугам, царица.

Он медленно провел костлявой рукой над тарелками, Камень вспыхнул и засиял ровным багровым светом — темнее, чем вчера, когда я его увидела, подумала Серафима — и блюда были приведены в соответствие с пожеланиями будущей супруги.

— А посуда? — перешла она к следующему пункту своего недовольства.

— А что с ней? — настороженным взглядом Костей окинул накрытый стол. — Все на месте, целое, не треснутое — я знаю эту примету.

— А примету, что все на столе должно соответствовать друг другу, составлять гармонию, вы знаете?

— Н-нет?

— Тарелки, блюда и чашки должны иметь одинаковый рисунок. Это называется «сервиз».

— Что за блажь, — непонимающе пожал плечами царь, но камень на его груди засветился, и все тарелки на глазах окрасились в матовый черный цвет. — Так вас устроит?

— Если у нас не поминки, то нет. Если ваше величество не затруднит, сделайте сервиз ну, хотя бы, голубого цвета. С золотыми каемками.

— Для вашего величества — все, что угодно.

Даже золотые каемки, — уголки губ Костея подвинулись к ушам.

Камень засиял, посуда, как бдительный хамелеон, приняла заказанный вид.

— Неплохо, — склонила голову царевна.

— Ну, а теперь, когда все здесь по вашему вкусу — присаживайтесь, моя драгоценная Елена, — жестом пригласил Костей, и губы его растянулись еще шире. Наверное, это было счастье.

Но драгоценная Елена его счастья не разделила.

— Как, вы не хотите отодвинуть мне стул, чтобы я могла сесть? — весь ее вид был нерукотворным монументом Недоумению в самом его дистиллированном виде.

— Вы плохо себя чувствуете? — недоумение царя было еще более искренним — это почувствовала даже Серафима. — Вы не можете сами отодвинуть стул?

— Нет, благодарю вас, насколько это возможно после ночи в неотопливаемых недоотремонтированных покоях под храпение Змея-Горыныча и туалета без помощи служанок, я чувствую себя нормально. Но отодвинуть стул, чтобы помочь даме сесть — это требование этикета.

— Да?

Если бы в его присутствии кто-нибудь сейчас произнес «гиперсенситивный синхрофазотрон на

мю-мезонах», вряд ли это вызвало бы у него большее непонимание.

— Да.

Тон женщины его мечты не оставлял пространства для маневра, и он повиновался. Будущее и настоящее вновь стали светлыми и безоблачными — ровно на три секунды.

— А где у вас салфетки? Где вилка и нож? И что мы будем есть ложкой? — вежливый вопрошающий взгляд царицы снова поставил его в тупик, и он ощутил давно забытые чувства — маленького мальчика, не выучившего уроки.

— Это тоже требования этого вашего... Этикета?

— Да, — ровно сообщила Серафима.

Вспышка Камня — и недостающие предметы появились на столе.

Очень хорошо. Продолжим.

— Этикет требует, ваше величество, чтобы человек за столом сидел, не разваливаясь на всем сидении стула.

Костей подтянулся.

— И не балансировал на краешке.

Он переместился на середину.

— Сиденье стула нужно занимать полностью, слегка прикасаясь спиной к спинке.

Перемещение продолжилось.

— Салфетка должны быть расстелена на

коленях.

— У нас нет салфеток. Они не нужны! — попытался перехватить инициативу царь, но с таким же успехом он мог попытаться перехватить струю из брандспойта.

— Нужны. Это требование этикета. И нельзя класть локти на стол. А вилку надо держать в левой руке. Нет, так едят только в Вамаяси. Переложите нож в правую руку, если вас это не затруднит. Картофель не принято резать ножом. И хлеб тоже. А насаживать на вилку кусок мяса нельзя. Как раз его-то режут ножом. Но не разрезают сразу.

— Но...

— И не разговаривают с набитым ртом.

— Почему?!

— Так требует этикет.

Последняя капля терпения Костея с коротким жалобным шипением испарилась с раскаленной печки его раздражения, как сказал бы один Серафимин знакомый шатт-аль-шейхский караван-сарайщик.

— С меня хватит! — крошки шрапнелью полетели во все стороны. — Кто такой этот ваш Этикет, провалиться бы ему сквозь землю, и почему я, будущий повелитель мира, должен повиноваться его дурацким требованиям?!

Серафима приподняла бровки домиком, совсем слегка, но вполне достаточно для того,

чтобы обозначить некоторую степень удивления.

— Как, вы не знаете, кто такой был Этикет? — уточнила она, откладывая нож в сторону, и наткнулась на почти враждебный взгляд Костея.

— Нет.

— Я могу рассказать вам, — сделав вид, что так и должно быть, улыбнулась она. — Легенда гласит, что Этикет Семьдесят Пятый был королем Этики, маленькой страны далеко на западе от Лукоморья, теперь давно ставшей провинцией страны побольше и повлиятельнее. Но много лет назад это была самая древняя королевская династия всего дикого тогда еще Запада. Ее суверены правили в сороковом колене уже в то время, когда родоначальники остальных династий только еще ходили за своими волами или косили солому...

— Солому не косят, — автоматически поправил царь.

— Ну, силос, — отмахнулась Серафима. — Не будем сейчас обсуждать ботанические подробности. Суть в том, что Этика была чрезвычайно маленькая, бедная и незначительная страна во всем Забугорье. Все торговые пути проходили мимо, из полезных ископаемых были одни бесполезные, земли — сплошные неудобья, а армия состояла из главнокомандующего — короля, генералиссимусов — его братьев, фельдмаршалов

— его сыновей и генералов — его внуков. Но, как я сказала, это была чрезвычайно древняя династия, и правители других стран по одной только этой причине завидовали ей и уважали ее. К чему привела зависть, вы знаете — страны больше нет. Уважение же привело к тому, что все монархи Запада стали стараться им подражать, быть похожими на них манерами и поведением, если не древностью. И именно Этикет Семьдесят Пятый собрал все правила поведения своей семьи на все случаи жизни и записал их, потому что короли, герцоги и эрлы создавали немалую неразбериху и стеснение при его дворе своими постоянными приездами-отъездами для перенимания опыта.

— Но они нелепы, они не имеют смысла!

— Ну почему же, — легко пожала плечами царевна, ясно показывая, что смысл-то, безусловно, есть, только не для всех, не будем тыкать пальцем, заметный.

— Ну например, кто придумал, что нельзя класть локти на стол? — Костей думал подловить Серафиму, но та была наготове.

— Это очень просто, — развела она руками. — Семья у Этикета Семьдесят Пятого была очень большая, а обеденный зал и стол — гораздо меньше. И когда они все вместе садились кушать, то руки им приходилось держать к телу близко-близко, потому что если бы кто-то положил

локти на стол, то какому-нибудь фельдмаршалу, или царевне, или инфанту не хватило бы места.

— Ну хорошо. А как насчет неразговаривания с набитым ртом? — не сдавался Костей.

— Еще проще. Семья у Этикета Семьдесят Пятого была очень большая, а продуктов — гораздо меньше, и если кто-то начинал говорить не прожевав, то к тому времени, когда он свою речь заканчивал, заканчивалась и еда на столе.

— Ладно. Но почему нельзя резать мясо сразу?

— Видите ли, семья у Этикета Семьдесят Пятого была очень большая, а мясо — очень дорогое, и поэтому если кто-то разрезал его сразу на мелкие кусочки, то к концу трапезы оказывалось, что половину растащили соседи слева или справа, а иногда и напротив.

— Так, понятно. Но почему нож нужно держать именно в правой руке, а вилку — в левой?

— Это еще логичнее. Большинство людей — правши.

— Ну и что? — недоуменно уставился на царевну Костей.

— Видите ли вы, семья у Этикета Семьдесят Пятого была очень большая, а еды — в разы меньше, и поэтому когда недальновидно разрезавший все мясо сразу, к примеру, генерал ловил своего соседа — генералиссимуса за

похищением разрезанного, то ссора иногда перерастала в дуэль, нож использовался вместо меча, а вилка — как кинжал.

— А разве нельзя было выйти из-за стола...

— Зал для трапез был очень маленьким.

— Или на улицу?...

— И страна — тоже. И, к тому же, они ведь хотели, закончив выяснять отношения, застать еще хоть что-то у себя в тарелках.

Костей задумался, нахмутив брови, но вскоре просветлел и высокомерно заявил:

— Елена. Поскольку я вскоре стану владыкой мира, я не буду обязан знать какие-то правила какого-то там Этикета. Поэтому мне это неинтересно.

— Но если вы станете владыкой мира, у вас же будут придворные? Наместники? Советники по национальным вопросам?

— Н-навверное, — осторожно, не понимая, куда клонит его будущая супруга, согласился Костей.

— И они все будут знакомы с этими правилами. А вы — нет.

— Ну и что? Я буду повелителем! Они будут преклоняться предо мной! Трепетать! Бояться!

— Бояться, ваше величество, должны разбойников с большой дороги, — снисходительно усмехнувшись и кокетливо поправив венец,

возразила Серафима. — А владыку мира должны уважать. Они не будут уважать человека, который не знает того, что знают с младенчества все.

— Они не посмеют сказать мне это в лицо!

— Они будут хихикать у вас за спиной.

— У меня будут шпионы и доносчики!

— Тогда они будут ДУМАТЬ, и этого вы им запретить не сможете.

— Я прикажу таких вешать!

— Всех не перевешаете.

Костей изумленно уставился на Серафиму:

— Почему?

— Вы же не хотите быть властелином полей, повелителем рек и королем гор?

— Что вы имеете в виду?

— Властителю нужны подданные, над которыми можно было бы властвовать. Нет?

Царь сдался.

— Хорошо. Если так — я должен изучить эти правила. Елена...

— Я вам в этом помогу, — тонко улыбнулась царица и склонила голову в знак согласия.

Не она первая это предложила, заметьте.

Четвертый час без перерыва, позабыв о делах государственной важности, кознях и интригах, царь Костей обучался правилам этикета за столом в условиях, максимально приближенных к боевым.

— ...Рыбные косточки не выплевывают на скатерть, ваше величество! И не достают изо рта руками! И ножом тоже!

— Что тогда я должен делать, ваше величество? — Костей только что не кипел и не дымился, но слово царское — тверже гороху. Приходилось терпеть.

— Аккуратно положить губами косточку на вилку, и только потом — на край тарелки, я же говорила!

— Мои губы не предназначены для этого! Они так не складываются!

— Они просто обязаны!

— Нет. И я терпеть не могу рыбу. Уже. Давайте потренируемся на чем-нибудь другом. На мясе, к примеру.

— Давайте на мясе, — любезно согласилась Серафима.

Костей материализовал румяный бифштекс, вдохнул под цепким взглядом Серафимы, как прыгун со стометровой вышки в пустой бассейн, и набросился на невинное блюдо как на личного врага.

— Не трогайте его руками! Только вилка и нож, вилка и нож!.. Не давите так сильно на тарелку — она расколется!.. Я же говорила!.. Не надо поднимать бифштекс с пола и пытаться отмыть его в супе — наколдуйте новый!.. Руки вытирают не об